

Круглый стол ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Конференц-зал гостиницы «Рэдиссон SAS»

25 мая 2007 года

Ведущие:

- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** председатель Оргкомитета VII Международных Лихачевских научных чтений, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии образования, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ
- В. В. ПОПОВ** посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ, директор Центра партнерства цивилизаций Научно-координационного совета по международным исследованиям Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ

Участники:

- Н. АЛЬ-АТТАР** вице-президент Сирийской Арабской Республики, доктор
- А. А. ГУСЕЙНОВ** директор Института философии РАН, академик Российской Академии наук
- Я. ДРОЗД** Генеральный консул Республики Польша в Санкт-Петербурге
- П. ДУТКЕВИЧ** директор EURUS (Института европейских и российских исследований), Карлетонский университет (Канада), профессор
- В. П. КАЗАРИН** первый заместитель председателя Севастопольской городской государственной администрации, доктор филологических наук, профессор
- А. КЛЕСС** директор Люксембургского института европейских и международных исследований (Великое Герцогство Люксембург), доктор
- С. З. МАХМУД** президент Межконфессиональной коалиции за мир (Индия), доктор
- В. МИТТЕР** профессор Немецкого института международных исследований в области образования (Германия), иностранный член Российской Академии образования
- В. В. НАУМКИН** заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики Московского государственного университета им. М. Ю. Ломоносова, представитель РФ в Группе высокого уровня проекта ООН «Альянс цивилизаций» (АЦ), доктор исторических наук, профессор
- А. Е. ПЕТРОВ** ученый секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, заместитель председателя координационного совета по делам научно-педагогической молодежи при Президентском совете по науке, технологиям и образованию, кандидат исторических наук
- Г. М. РЕЗНИК** заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ

- В. С. СТЕПИН** — руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института философии РАН, академик Российской Академии наук
- М. ТЛИЛИ** — основатель и директор программы «Диалоги: Исламский мир — США — Запад», Нью-Йоркский университет (США), профессор
- Г. А. ЯГОДИН** — профессор Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева (Москва), академик Российской Академии образования, доктор химических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Дорогие друзья, мы продолжаем наш диалог, посвященный проблематике культурного взаимодействия, взаимодействия цивилизаций в глобальном мире. Было бы правильным в начале сегодняшней встречи представить слово тем нашим гостям, которые не выступили вчера на пленарном заседании. Я думаю, что они должны иметь особые преимущества. В связи с этим позвольте представить слово г-ну П. Дуткевичу. Мне особенно приятно отметить, что г-н П. Дуткевич — Почетный доктор двух очень известных российских университетов в Москве.

П. ДУТКЕВИЧ

— Я бы хотел представить вашему вниманию некоторые соображения, касающиеся темы конфликта и диалога в сравнении с кооперацией и конкуренцией цивилизаций. Первое, о чем бы я хотел сказать, это то, что мы живем в бинарном мире, в котором диалог противопоставляется конфликту. Диалог, носящий спонтанный характер и соответствующий духу ООН, и конфликт или столкновение цивилизаций, который был так эмоционально представлен в работах г-на Хаттингтона. Я бы сказал, что современная международная обстановка нуждается в пересмотре подходов. Кооперацию цивилизаций, партнерство цивилизаций нужно рассмотреть в сравнении с конкуренцией цивилизаций.

Мы живем в мире, который довольно нестабилен. Даже изучая определенные цивилизации, которые предполагается считать более или менее цельными, мы видим трещины. Если вы посмотрите на диалог между современными США и Европой, трансатлантические отношения, то увидите эти расколы — свидетельства тому, что мы больше не идем одним путем. Разногласия существуют в нормативной, юридической и экономической сферах, в области обеспечения безопасности. Если вы обратите внимание на Европейский союз и новых его членов, на-

пример Польшу, то увидите, что поляки считают себя «абсолютными западниками», но это совершенно неверно. Как видно из действий польского правительства, существует непонимание нормативного аспекта Европейского союза, действия не сопрягаются с существующей, устоявшейся западноевропейской традицией. Моя точка зрения такова: даже внутри западной цивилизации еще многое нужно сделать для того, чтобы понять друг друга. У нас есть определенные структуры, подобные Европейскому союзу, трансатлантические институты, которые помогают нам не только налаживать диалог, но и активно сотрудничать.

Когда я смотрю на текущую ситуацию в США, то я вижу три противоречия: противоречие между глобализацией и протекционизмом, второе противоречие — между ощущаемой и реальной властью в США, третье кроется во взгляде на стабильность. Процветание США зависит от высокого уровня стабильности, а действия США создают нестабильность в мире.

Теперь о Китае, который также является для нас вызовом. Сейчас Китай представляет интерес для сотрудничества, но говоря о долгосрочной перспективе, мы, возможно, будем не сотрудничать, а конкурировать. И скорее проблема заключается не в том, как наладить диалог с ним, а как мирно конкурировать. Все эти вопросы серьезны и глубоки. Представляется важным обсудить ключевой вопрос — что является в наших цивилизациях универсальным. Во-первых, надо понять универсальность нашего подхода, так как сотрудничество или партнерство цивилизаций невозможно без понимания общности. Я бы сказал, что существует несколько универсальных проблем. Мы еще не готовы быть универсальными. По-моему, существует, по крайней мере, четыре элемента универсальности, лежащие в основе нашего сотрудничества и кооперации.

Первый касается вопроса бедности — не только бедности внутри стран, но бедности, являющейся источником глобализации, результатом глобализации. К сожалению, нет

времени привести вам данные и показать, что доходы и неравенство внутри стран не так высоки — разница в доходах между богатыми и бедными исчисляется в десять раз, но, говоря откровенно, глобализация увеличивает этот разрыв в сотни раз. Это очень серьезная проблема, и я полагаю, что нужно давать определение бедности в аспекте культуры. Определять бедность в аспекте культуры — значит понять, как решить проблему на индивидуальном и коллективном уровне.

Второй затрагивает вопрос безопасности, также имеющий очень широкое определение и являющийся потенциальной основой для сотрудничества разных цивилизаций. Вопрос, который бы охватывал безопасность на индивидуальном, коллективном, государственном уровне, включал бы проблему терроризма, а также безопасности пожилых людей.

Третий элемент — образование. Две трети населения Земли живут, не умея читать и писать, среди 6 млрд человек две трети лишены возможности общаться друг с другом. Другой вопрос — проблема здоровья. Существуют общераспространенные заболевания и заболевания, которые могут стать опасными для всего мира, если получают широкое распространение. И этот вопрос также связан с бедностью и необразованностью.

Четвертый элемент — толерантность. Как мы можем создать толерантные отношения между цивилизациями? Что общего есть в наших доктринах, нормах, ценностях, включая религию? Ислам и христианство ближе друг другу, чем мы думаем: они имеют общие корни, общие или сходные истоки. Мы должны попытаться делать акцент на том, что у нас общего, а не на различиях.

В современном мире, в котором лидеры стран говорят, что будущие коалиции будут носить временный характер, что эти коалиции будут добровольными, возможно, нашей задачей станет поиск универсальности среди существующих семи или восьми главных цивилизаций, а в идеале — написание манифеста, который может начинаться словами: «Мы — жители мира без традиций и отличительных черт». В этом и заключается моя идея. Возможно, это положение не может быть достигнуто, так как люди нуждаются в традициях и идентичности, чтобы совершенствоваться и в известной мере защищать государственную систему, но по прошествии времени мы также должны найти те звенья, которые соединят государства и цивилизации.

Дамы и господа, нам необходима конкуренция цивилизаций. Вопрос в том, как сделать эту конкуренцию менее жестокой, как

направить конкуренцию в определенные сферы. Одна цивилизация не может быть лучше или хуже другой. Нам нужна конкуренция, потому что мы не хотим жить в мире, в котором отдельная цивилизация диктовала бы, что и как делать, определяла бы лучший путь. Как вы понимаете, нет однозначного решения этой проблемы. Но это поможет нам ответить на фундаментальные вопросы, касающиеся здоровья, образования, бедности, безопасности и толерантности.

Не потому ли мы богаты на Западе, что остальной мир беден? Или, может быть, мир беден, потому что Запад богат? Мой ответ таков: мы богаты на Западе, потому что остальные бедны. Проблема в том, как сделать мир менее бедным, как включить его в западные стандарты. Возможно, таким образом мы изменим ситуацию и сможем жить в мире, который отличается от сегодняшнего. Конкуренция нужна нам так же, как и сотрудничество.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Слово предоставляется Генеральному консулу Республики Польша Ярославу Дрозду.

Я. ДРОЗД

— Уважаемые дамы и господа! Взаимодействие культур принадлежит к наиболее интересным социальным и общественным процессам, какие дано пережить нашим обществам. То, что когда-то совершалось постепенно, эволюционным путем в силу ограниченных возможностей передвижения и общения, в настоящее время происходит, наоборот, поражаяюще быстро. Динамика движения, перемещения информации и людей выводит взаимодействие культур на другой уровень, к которому индивид и общество не всегда готовы. Поэтому наши оценки и комментарии часто опрометчивы, эмоциональны. На некоторые явления мы реагируем несколько консервативно, потому что наш механизм восприятия и анализа все же традиционен по отношению к техническому прогрессу, а также к скорости и сложности процесса взаимодействия культур в современном мире.

Для наглядности моих дальнейших рассуждений я хотел бы воспользоваться примером из окружающей нас действительности.

Спроектированный инженером поляком Станиславом Кербедзем мост лейтенанта Шмидта в Санкт-Петербурге строился с 1842 по 1850 год. Его открытие означало новую эпоху строительства мостов в России и создавало предпосылки для развития железных дорог, в том числе для возникновения Транссибир-

ской железной дороги. Новый мост возводили в духе сотрудничества и взаимопонимания поляки, русские, немцы и представители других национальностей. Общая цель была для них той ценностью, которая могла служить хорошей почвой для взаимодействия их культур. Мост открывали как Благовещенский, потом его называли Николаевский, лейтенанта Шмидта и сейчас снова заговорили о возвращении первоначального названия — Благовещенский.

Независимо от обусловленной политикой и общественным строем смены наименований, этот и многие другие мосты все время служили обществу. Поэтому слово «мост» выступает более широким понятием, представляется нам как символ, как соединение людей, культур, религии и креативного создания новых возможностей.

Воспользовавшись столь характерным для такого многонационального и много конфессионального города, как Санкт-Петербург, примером, я хотел подчеркнуть значение поиска и культивирования высших ценностей и сосредоточения вокруг них нашей деятельности. Нужно возводить мосты в каждой области нашей жизни и деятельности, так как их всегда слишком мало, их все время не хватает в современном мире разных культур. Поэтому мне трудно согласиться с некоторыми моментами в высказывании директора EURUS г-на П. Дуткевича, касающимися Польши. Использование в связи с принадлежностью к Европейскому союзу по отношению к моим соотечественникам определения «абсолютные западники» и вывод из этого тезиса о непонимании нормативного аспекта ЕС в Польше указывает на несколько упрощенный способ представления темы.

У моей страны с ее многовековой историей богатый опыт взаимодействия с разными культурами и обществами. Часть этой традиции сосуществования с другими народами возникла именно в Санкт-Петербурге, городе, где до революции 1917 года проживало более 250 тыс. поляков, составляющих треть по величине национальную группу в городе. Пример проявления такой традиции — ранее упомянутый гениальный инженер Кербедзь.

Мне трудно согласиться с утверждением, что какой-то народ является «абсолютно» таким-то или таким-то. В моей национальной и культурной традиции понятие «абсолют» — в большей степени религиозная или философская категория. Применение его при несколько поспешных и эмоциональных политических оценках не всегда обоснованно.

Нужно искать общие ценности и использовать их интегрирующее воздействие. Интел-

лигенция играет при этом очень важную роль. Это она должна задавать тон диалогу культур и цивилизаций в глобальном мире. От ее особой восприимчивости, способа формулирования оценок, выражения своей симпатии и антипатии зависит то, как наши страны и общества выглядят в глазах других. Поэтому я считаю, что диалог надо вести в духе взаимопонимания, а не абсолютизации. Надо возводить мосты — их всегда слишком мало.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Позвольте предоставить слово доктору Арманду Клессу, директору Люксембургского института европейских и международных исследований. Пожалуйста, прошу Вас.

А. КЛЕСС

— Мое выступление будет посвящено возможности диалога между обществом религиозным и секулярным.

Насколько труднее диалог между религиозным и секулярным обществом по сравнению с контактами между двумя религиозными или двумя секулярными культурами? Как религия может способствовать или препятствовать успешному общению?

Рассмотрим несколько видов диалога и ряд вопросов, с этим связанных.

Диалог двух секулярных культур — во что может вылиться исключение таких факторов, как духовность и религия? Приведет ли это неизбежно к ограниченному, ущербному общению или даже вырождению? Или же контакты между такими культурами основаны на твердых рациональных позициях и окажутся, в конце концов, более жизнестойкими и продуктивными?

Диалог между двумя религиозными обществами, такими как Иран и Ирак, где религиозные принципы и законы имеют значительное влияние на все сферы человеческой деятельности, включая политику, культуру, даже экономику и внешнюю политику. Характеристикой таких контактов является, с одной стороны, высокая степень неприятия и непонимания друг друга, скрытая или явная неприязнь, проявление прозелитизма в разных формах, непрекращающиеся споры о том, кто обладает истиной в большей степени, у кого больше последователей. С другой стороны, открывается больше возможностей для взаимодействия, взаимопонимания и уважения, если обе стороны исповедуют одни и те же духовные принципы и стремления.

Диалог между религиозным и секулярным обществами, такими как арабский мир

и Западная Европа или, до некоторой степени, США и Западная Европа. В таком диалоге неотъемлемо присутствует стремление убедить другую сторону в превосходстве собственной модели общества, причем культура религиозная будет стараться очернить неверующих, атеистов, материалистов, подчеркивая их греховность и падение. Претензии секулярного общества к своим оппонентам будут состоять в порицании иррационализма, фундаментализма, фанатизма, использования веры в политических целях. Подобные укоренившиеся мнения могут затруднить успешный диалог, так как обе стороны убеждены в своей правоте и превосходстве своей модели общества.

Конечно, разделение на религиозное и секулярное общество довольно условно. Полувековой процесс секуляризации в Западной Европе привел к тому, что религиозные принципы потеряли свое влияние. США остается очень религиозной страной. В Восточной Европе после падения коммунистических режимов религия приобретает все большее значение, в Польше же религия никогда не теряла своих позиций. Процесс возрождения религии наблюдается в странах Азии и Китае. Некоторые сравнивают модель общества США с полурелигиозной, полусекулярной моделью, занимающей положение где-то между фундаменталистским государством, таким как Иран, и нерелигиозной Европой. Но это положение еще требует доказательства, вопреки тому, что утверждает в своей новой книге «Европейская сверхдержава» Джон МакКормик: «В мире, где сосуществует множество религий, где фундаментализм стал важным фактором, определяющим политику многих стран, союз религии и политики неизбежно работает против США, а секуляризм работает на благо Европы».

Необходимо постоянно помнить, что политические и идеологические противоречия, порожденные жесткой экономической конкуренцией и стратегическими интересами, могут подменять собой религиозные и духовные различия.

Существует ли опасность разделения мира на два полюса: религия против секулярности, если можно так выразиться, взамен старого антагонизма между капитализмом и коммунизмом? Такой движущей силой, подталкивающей мир к разделению, может стать энергичный воинствующий ислам, старающийся противостоять другим религиям, в особенности христианской религии и христианскому миру. Такое же противостояние с исламом может испытать и буддизм, причем су-

ществует реальная опасность дестабилизации всего индийского общества, включая соседние страны, такие как Пакистан и Бангладеш.

В целом радикальные процессы фундаментализма и милитаризма сильны в мире. Так называемые секулярные, внецерковные общества могут столкнуться с некоторым внутренним ослаблением, причем недостаток духовной составляющей общества они будут компенсировать экономической и стратегической агрессивностью. Это может послужить причиной эскалации противостояния в мире, несмотря на печальный опыт прошлого. Нападки некоторых западных так называемых интеллектуалов, политиков и журналистов на религию в целом и ислам в частности, являются крайне неразумными и могут вызвать эффект, противоположный ожидаемому. Нам нужна новая форма взаимопонимания и сочувствия, попытка осознать различия и развить чувство терпимости.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Спасибо, г-н Клесс. Слово предоставляется г-ну Мустафе Тлили, основателю и директору программы «Диалоги: Исламский мир — США — Запад». Господин Тлили прибыл к нам из США из Нью-Йоркского университета, профессором которого он является.

М. ТЛИЛИ

— Существует постоянное столкновение между неким монолитом, каким является Запад, и другим монолитом, который представляет собой ислам. Обратим внимание на концепции этого столкновения. Если мы посмотрим на историю противостояния ислама западному миру, мы увидим, что она насчитывает четырнадцать веков. Но зерна сотрудничества и взаимопонимания важнее, чем то, что Сэмюэль Хаттингтон называет столкновением. Я хотел бы сделать несколько замечаний относительно его теории.

Одним из примеров такого столкновения является Андалусия. Все в этой области было создано тремя культурами Испании — иудейской, мусульманской и христианской. Это та часть истории, которую игнорирует Сэмюэль Хаттингтон. И в целом всю теорию столкновения цивилизаций я бы скорее назвал философией-вспышкой, чем философской концепцией, основанной, во-первых, на знании, во-вторых, на философии, в-третьих, на истории идей и истории как таковой. Я бы хотел упомянуть книгу моего коллеги по Колумбийскому университету Ричарда Батлера «Мусульманско-христианская цивилизация», посвященную сотрудничеству ислама и христианства.

Как нам уже объяснили, пришло время тех, кто говорит от имени Запада — надо найти что-то для замены другого монолита, которым был коммунизм. Конец холодной войны, конечно же, способствовал этому, облегчив задачу тем, кто планировал свою стратегию на основе концепции «врага-друга» (Карл Шмидт). Часть этой концепции должна была воплотиться, и ислам был готов воспользоваться представившейся возможностью. И то, что случилось 11 сентября, в некоторой степени произошло вовремя и подтвердило этот миф об исламской угрозе. Зачем же подвергать сомнению и изменять концепции? Видоизменяя их, мы замечаем больше нюансов и на Западе, и в исламе. Когда мы говорим о Западе, важно, что мы имеем в виду: Европу с ее замкнутой системой, США, которые больше основываются на вере и постоянно решают, республиканцы они или демократы, Белый дом или кого-то другого. 76 % населения США верит в Бога. И с этой точки зрения между исламским миром и США больше точек соприкосновения, чем противоречий. Очень часто в рамках ООН консервативные представители Западной Европы, США и исламских стран вместе голосуют по многим социальным вопросам.

У Европы сегодня есть проблема самоидентификации, поэтому не удивительно, что мы слышим противоположные мнения от правых и от левых. В Европе наблюдается кризис, и не только в отношениях с США, но и в отношении себя самой, собственных ключевых ценностей. И мы все время слышим разговоры об этих ценностях. Я не раз оказывался в ситуации, когда спрашивал, какие же ценности являются основными для Европы. И, честно говоря, не знаю, есть ли ответ и может ли кто-нибудь дать серьезный ответ. Европа — это христианское единство. Поэтому, к примеру, Турция не должна быть частью Европы, поскольку она не является христианской страной.

Теперь обратим внимание на другой монолит — ислам, который считается, во-первых, угрозой, а во-вторых, блоком, который унифицирует верования и традиции. Необходимо различать то, что часто путают европейцы: мусульманский мир и арабский мир. Мы часто забываем о том, что арабский мир составляет всего лишь 12 % всего исламского мира. Это упрощение и, я бы даже сказал — невежество. Именно об этом я и спорил с Сэмюэлем Хаттингтоном, критикуя его историческое невежество.

Идя по этому разрушительному пути, мы можем прийти к такой концепции, которая поставит мир на опасный путь, основанный

на поп-культуре, в отсутствие интеллектуальной интеграции. Вот с чем нужно быть очень осторожным. Сегодня отсутствует интеллектуальная интеграция, мы предлагаем миру концепции, которые в итоге становятся парадигмами не только для интеллектуалов, но и для тех, кто делает политику. Если вы примените это к анализу мусульманского мира, вы поймете, насколько разнообразен исламский мир, что сегодня он более разнообразен, чем когда-либо в истории, с одной стороны, и, возможно, более разнообразен, чем западный мир сам по себе, — с другой.

Кто говорит от имени мусульманского мира сегодня? Какова природа мусульманского мира сегодня? В первую очередь это географическое и историческое разнообразие. Разнообразие самой веры, различия в выражении ислама. Ислам пришел в разные части мира как набор принципов, а затем он просто адаптировался. Произошла контекстуализация веры, принявшей различные формы и исторические выражения, которые мы видим сегодня. Они процветают в разных частях мира — от самых консервативных в Саудовской Аравии до Турции, где революция Ататюрка пыталась разрушить эту часть индивидуальности турецкого народа. Это и есть то разнообразие, которое мы должны признавать и которое является частью целостной картины.

Важно также понимать, что так называемые теоретики столкновения цивилизаций и средства массовой информации, которые позволяют им быть услышанными, — это всего лишь небольшая часть всех тех, кто притворяется, что говорит об исламе. Это радикалы, которые игнорируют 98 % мусульманского мира. А мир этот живет своей жизнью, как и люди в России: они создают культуру, товары, духовные ценности и не являются частью того монолита, который пытаются создать Сэмюэль Хаттингтон и его коллеги.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Спасибо. Слово предоставляется г-ну Саиду Зафару Махмуду, президенту Межконфессиональной коалиции за мир (Индия), доктору.

С. З. МАХМУД

— К настоящему моменту человечество достигло той степени зрелости, когда полностью осознает, что целью создания мира является не взаимное уничтожение, а следование исключительно принципам справедливости, мира, любви, разумного распределения ресурсов и всеобщего развития. Поэтому наказ,

данный основателем каждого религиозного течения, должен быть созвучен этим благородным целям. Если и есть различия между вероисповеданиями, то они, скорее всего, вызваны отсутствием понимания. Поэтому лидерам и последователям всех религий, культур и цивилизаций следует читать и понимать истинный смысл Священных Писаний как своей, так и других религий. Это следует делать без каких бы то ни было предрассудков, объективно и самоотверженно. Ни одна из мировых конфессий не ограничивает сферы своей деятельности отдельной страной или регионом и не позволяет себе пренебрегать каким-либо периодом истории человечества.

С другой стороны, культуры и цивилизации являются отражениями религиозных учений, одного или нескольких одновременно, в определенный период истории человечества и в определенной части света. Тем не менее ни одна из них не может не принимать во внимание свою веру. Новое тысячелетие требует совместных усилий на мировом уровне для того, чтобы примирить религиозные учения, культуры и цивилизации, чтобы привести их к гармонии, подобно сочетанию красок в цветовом спектре. Они не должны быть подвержены политизации, а должны быть использованы для укрепления дружбы, любви, равенства, справедливости, мира и дальнейшего развития человечества.

Культура — это образ жизни людей согласно их вероисповеданию, языку и т. д. В рамках данной конференции необходимо выработать ряд общепринятых нравственных ценностей и попытаться определить черты общепринятой культуры. Тех, кто принадлежит к определенной культуре, принято именовать культурными людьми. Но не должно быть никакого деления на высокоразвитые и слабо развитые культуры. Данный подход перекликается с решением антропологов конца XIX века — расширить термин «культура», чтобы его можно было применять по отношению к более широким слоям общества. Принимая во внимание теорию эволюции, они предположили, что все люди рождаются равными и все они при рождении получают какую-либо культуру, также сложившуюся в результате эволюции.

Эдвард Гиббонс интересовался историей падения Римской империи и говорил о том, что падение Рима было естественным и неизбежным. Причиной тому он считал излишнее величие, усугублявшееся размахом завоеваний. История падения Рима проста и очевидна. Гиббонс выдвинул гипотезу, согласно

которой окончательное падение Рима связано с падением Константинополя в 1463 году. Теодор Момзен в своей работе «История Рима» предположил, что это произошло вместе с падением Западно-римской империи в 476 году н. э. Также он писал о биологической аналогии таких этапов, как возникновение, развитие, старение и распад. Арнольд Тойнби в «Истории культуры» пишет, что существовало большее количество цивилизаций и все они прошли цикл, определенный Момзеном.

Из-за падения цивилизации культурная элита становится элитой паразитирующей, живущей за счет пролетариата. Подобная ситуация произошла и с древнеиндийской цивилизацией, которая распалась примерно в 1700 году до н. э. из-за внешнего вторжения и опустынивания земель, вызванного геологическими и климатическими изменениями.

Таким образом, цивилизации существуют лишь ограниченный период времени, самое большее — несколько веков. Так что жизнь любой цивилизации намного короче и необязательно значима в рамках жизни на земле в целом. Другими словами, в отдельно взятый период истории человечества определенные цивилизации имели огромное значение. И было бы благоразумно совместно предпринять все необходимые меры, для того чтобы сохранить их вместе.

Надо, чтобы модальность этого эффекта соответствовала более широкому кругу общепринятых нравственных принципов, проходящих через все фазы человеческого развития. И именно в этом заключается цель существования человечества.

Принципы разнообразия культур и принципы плюрализма должны стать неотъемлемой частью национальной политики любого государства в определенных сферах, относящихся к качеству образования, окружающей среде, сохранению культурного наследия, технологий СМИ и ремесел.

Российская Федерация — самая большая страна с малой плотностью населения, где живет большое количество последователей православия, ислама, протестантизма и католицизма, — подходящее место для проведения диалога культур и цивилизаций. Как сказал недавно г-н В. В. Путин, мы знаем, насколько мощной может быть объединяющая сила религии. Тем не менее люди должны осознать возможные для всего мира последствия, вызванные конфликтом цивилизаций.

Этого можно достичь путем взаимодействия и диалога между различными культурами и цивилизациями на мировом уровне.

В случае, если процесс осуществляется с добрыми и бескорыстными намерениями, легко найти множество общих черт, объединяющих разные народы, — в их заповедях и деятельности. Их следует развивать, привлекать к ним внимание и доносить до широких масс, чтобы создать мир, в котором соблюдаются интересы каждого народа.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Спасибо. Дорогие друзья, у нас исчерпан перечень заранее заявленных докладов. Теперь я хотел бы сказать, что здесь есть ряд людей, которые не готовили доклады, но мне бы очень хотелось, чтобы они хотя бы кратко высказались. В зале присутствует много зарубежных гостей, которые часто встречаются друг с другом на международных конференциях по данной проблематике, более того, наше Министерство иностранных дел называет их, и заслуженно, мудрецами. И когда шел разговор о составе участников конференции, я был счастлив, что мы приглашаем таких крупных персон. Но у нас в России тоже есть масштабные персоны, с которыми вы, скорее всего, ранее не встречались. Это люди, которые пользуются у нас чрезвычайным авторитетом и уважением. Назову присутствующих: это один из крупнейших российских и мировых философов академик А. А. Гусейнов, директор нашего Института философии; это академик В. С. Степин, который также занимает очень высокие позиции в нашей научной академической иерархии, один из крупнейших российских философов по мировым меркам. Вчера я ограничил во времени выступление выдающегося украинского ученого, которого мы в Советском Союзе называли выдающимся советским ученым — это г-н В. П. Казарин из Севастополя (Украина). Я, конечно, совершенно не удовлетворен тем временем, которое мы вчера могли предоставить г-ну Г. А. Ягодину — крупнейшему ученому в российском образовании. К сожалению, мы не смогли дать вчера достаточно времени для выступления г-дам В. В. Наумкину, Г. М. Резнику. Господин В. В. Наумкин представляет Россию в Группе высокого уровня ЮНЕСКО. Господин Г. М. Резник — один из крупнейших адвокатов и очень известный в российском гуманитарном сообществе человек. Рядом с ним сидит молодой ученый — это г-н А. Е. Петров. Он здесь представляет Отделение истории и филологии Российской Академии наук. К нам присоединился Генеральный консул Польши в Петербурге г-н Дрозд, также в нашем городе очень

известный и уважаемый человек. Я надеюсь, что все еще скажут по несколько слов. Кроме того, у нас еще не выступал г-н Вольфганг Миттер — крупный специалист в области образования, Почетный член Российской Академии образования.

Я воспользуюсь правом спикера и сейчас предоставлю слово г-ну Г. А. Ягодину.

Г. А. ЯГОДИН

— Думаю, что мы несколько недооцениваем трагичности момента и трагичности главной цели нашего поколения людей. Эта цель — сохранить цивилизацию на планете Земля. То количество людей, которое сейчас есть на Земле — 6,5 миллиардов человек, — системы жизнеобеспечения не выдерживают. Таких систем несколько: озоновый слой, который удерживает жесткий ультрафиолет Солнца и не дает возможности уничтожить жизнь; сложившийся за длительное время климат, благоприятный для жизни человека, и механизм фотосинтеза; атмосфера, возникшая на Земле вторично, обладающая значительной долей кислорода и тем самым — источником превращения химической энергии пищевых продуктов в энергетику организма; пресная вода.

Все эти системы находятся под угрозой уничтожения имеющимся количеством людей, потому что с 1986 года расход ресурсов для удовлетворения потребностей человека стал больше, чем их восполнимость круговоротом веществ в открытой системе Солнце—Земля. С 1986 года из-за несовершенства нашей технологии выбросы ненужных продуктов превысили возможность ассимиляции природой этих продуктов, что привело к ухудшению качества атмосферы, пресной воды и т. д. Необходимы кардинальные изменения в образе жизни, целях, культуре, и самым серьезным поводом для объединения усилий является угроза потери цивилизации. Я думаю, что главной движущей силой при этом является система образования, несмотря на то, что на Земле две трети населения неграмотных.

Опыт России, советской России, показал, что такая глубинная неграмотность может быть ликвидирована в достаточно короткие сроки, если на этом сконцентрировать усилия.

Обратимся к идеалу конца XVIII — начала XIX века — к английскому поэту Вильяму Блейку:

В одном мгновенье видеть вечность,
Единый мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо в чашечке цветка.

Нужно вернуться к целостному пониманию мира. Далее мне не нравится перевод Маршака, поэтому я скажу так: «разбитое яйцо нельзя превратить в неразбитое, оно разбилось навсегда». Мы, люди, не имеем права потерять то, чего не можем воссоздать. И это надо вкладывать в человека с самых ранних лет.

Возможно ли объединение цивилизаций даже для такой благой цели, как спасение человечества в будущем? Возможно. Только для этого надо отойти от средней политической цели к стратегической, чуть-чуть более протяженной во времени. Раньше думали, что это триста лет. Нет, к сожалению, не триста. Сейчас, увы, ученые считают, что срок точки бифуркации, после которой нельзя будет вернуться назад сдерживанием факторов, отстоит от настоящего момента на двадцать (пессимисты) и на восемьдесят (оптимисты) лет. Это все равно поколение тех людей, которые сейчас в школе. Были примеры в человеческой цивилизации, когда подобные огромные цели достигались? Были. Вторая и, я надеюсь, последняя мировая война: Сталин, Рузвельт и Черчилль, три разных идеологии, три разных культуры объединились вместе и ликвидировали опасность тоталитарного режима на Земле. Эта опасность была абсолютно реальна. Такое объединение усилий требует другой культуры, эта другая культура может прийти только через другое образование.

Отказ от точки зрения Птолемея и утверждение Коперника, что центр — Солнце, заставили изменить всю науку и все образование. Вот сегодня осознание того, что биологическая составляющая жизни, только частью, вершиной которой является человек, осуществляет автоматическое регулирование систем поддержания жизни, заставляет менять систему школьного образования. У нас есть помощник, самый большой помощник — природа. За прошлый век произошли колоссальные изменения климата. Я глубоко убежден, что если бы триста лет назад люди знали о клетке и о формах жизни так много, как сейчас, промышленная революция, энергетическое обеспечение не пошли бы путем сжигания углеродного топлива, через увеличение диоксида углерода в воздухе, ведущее к изменению климата. Эти изменения мы ощущаем потому, что климат — это усредненная погода за тридцать последних лет. Больше других страдают страховые компании: ураганы и тайфуны с ласковыми женскими именами нанесли такие поражения финансовому миру, которые фактически дела-

ют страховой бизнес исключительно рисковым. Но нам грозят большие изменения. Если растает гренландский лед — а он тает, хотя в некоторых местах его толщина достигает семи тысяч метров, — и Гольфстрим потеряет температуру, равную средней температуре Земли, а плотность воды самая большая при 4 °С, и если Гольфстрим станет подводным течением, то климат Англии станет климатом Чукотки, а климат Европы — климатом Заполярья. Понимание этих проблем заставило Т. Блэра первым докладом сделать доклад о Киотском протоколе, о поддержании мер по сохранению Земли. Можем мы, люди, осуществить коллективные меры по поддержанию систем жизнеобеспечения? Можем. Но для этого мы должны создать идеологию этого поддержания, его философию, веру в возможности этого поддержания.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо большое, профессор Ягодин. Один очень короткий вопрос о Вашем последнем пассаже. Сейчас очень модны всечасские прогнозы, в которых говорится о демографических последствиях глобального потепления. Утверждается, что через несколько десятков лет около 1 млрд человек из нынешних теплых регионов планеты, которые окажутся затоплены Мировым океаном, хлынут в Северное полушарие, что вызовет гуманитарную катастрофу. Как Вы к этому относитесь, г-н Ягодин? И вообще нужно ли об этом говорить и думать?

Г. А. ЯГОДИН

— Я не знаю насчет затопления. Когда я учился в «Империял-колледже» в Лондоне в 1963 году, это был город белого населения. Когда же я оказался в Лондоне три года назад, город поразил меня тем, что население стало другим. Юго-Восточная Азия в значительной степени переместилась в Лондон и вообще в Европу. И это естественный процесс смешения населения Земли в единое человеческое общежитие. Я считаю, что это нормально.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо большое, профессор Ягодин. Я предоставляю слово профессору Вольфгангу Миттеру.

В. МИТТЕР

— Встреча культур — это феномен, история которого уходит в древний период, не важно, вызывали ли эти встречи враждебные

отношения или действия, приводили ли к мирным процессам и решениям, основанным на диалоге. Однако в большинстве случаев подобные встречи заканчивались неоднозначно. Как яркий пример европейской античности, особого внимания заслуживают греки. Будучи разделенными на огромное число независимых территорий, они считали свою общую культуру основным элементом, отделяющим их от варваров, в соответствии с чем общий язык играл важную роль. Более того, язык также может разграничить социальные группы внутри политического единства, обычно после смены господства после войны и завоевания, как, например, в Англии после битвы при Гастингсе (1066). Норманские завоеватели говорили на французском, а подчиненные им англосаксы сохранили свой родной английский язык.

В современный период этот феномен приобрел новые качества в связи с постоянным расширением пространства, в котором происходят эти встречи, вследствие открытий и исследований ранее не известных территорий, завоеваний, колониального империализма и в наши дни глобализации и установления электронных сетей информации и коммуникации. Как единое целое встреча культур может рассматриваться и обсуждаться в двух измерениях: во-первых, как сфера международных отношений стран и регионов, во-вторых, как сосуществование людей разного культурного происхождения и особенностей внутри границ государств или региональных образований. Во втором из этих двух измерений появляется концепция мультикультурализма.

Эта примерная ретроспектива демонстрирует, что история взаимодействия и, в частности, мультикультурализма насчитывает тысячелетия. В наши дни в отношении мультикультурализма и его предсказуемых перспектив можно выделить следующие три направления.

Во-первых, мультикультурализм играет важную роль во всеобъемлющей глобализации, которая захватила все континенты и доминирует в каждом обществе в рамках экономических, социополитических и культурных областей. Она имеет всевозрастающее влияние на передвижения и миграцию. Многие люди покидают дома в поисках лучшей жизни, будь то крупные города в их странах или где-то за границей, в богатых и безопасных регионах планеты. Эта тенденция ставит сложные задачи перед принимающей страной в отношении социального благополучия и образования в самом широком смысле слова.

Во-вторых, параллельно глобализации идет тенденция к регионализации, как, например, в Европе с расширением Евросоюза, и локализация, призывающая к самоуправлению и независимости с учетом местных сообществ и школ. В отношении мультикультурализма это означает, что макроуровень с его глобальной, региональной и национальной вариативностью усиливается микроуровнем местных сообществ. Большое отличие состоит в том, является ли данная ситуация результатом государственного или муниципального планирования или это незапланированный въезд, связанный с финансовыми или социальными обстоятельствами мигрантов.

В-третьих, мультикультурализм как значительный компонент глобализации стал повсеместной реальностью, противостоящей «виртуальной реальности», что было так хорошо продемонстрировано в «Фаусте» Гёте (часть I), где несколько горожан беседуют «у ворот о войне и убийстве где-то далеко в Турции». Еще Гёте представил эту сцену с иронией двести лет назад! Современные средства информации обеспечивают людей данными и фактами по мультикультурализму, даже если они не встречают «других» в своей каждодневной реальности.

Растущий поток мигрантов, пересекающих границу, также как и усиление культурной идентичности среди членов местных и эмигрантских меньшинств, коренным образом изменили то влияние, которое подобные события имели раньше на образовательные системы и образовательные процессы.

Межкультурное образование с развитием двойной языковой компетенции как незаменимой основы должно начинаться в раннем детстве. В ежедневной школьной практике существование межкультурного сообщества учеников может быть источником конфликта, но также и шансом для обмена опытом на основе совместной работы, получения разносторонней информации и продвижения сообразования внутри и вне классов.

В основном жизнеспособность и успех всех подходов в рамках межкультурного образования зависит от подготовки учителей, которые могут и хотят взять на себя эту особую ответственность относительно когнитивных, эмоциональных и социальных компонентов.

Мультикультурализм — это основной, самый важный уровень во встрече культур. На сегодняшний день, однако, он должен быть связан с уровнем международных отношений. Эта взаимозависимость обуславливается не только растущим установлением глобальных сетей реального и виртуального общения и

сотрудничества, но и тем фактом, что в большинстве случаев мигранты (и также члены местных меньшинств) сохраняют свою культурную — и во многих случаях политическую — принадлежность к культуре своих стран и регионов. Также становится ясно, что подобные обязательства намного сильнее у «третьего поколения», чем у их родителей.

Были предприняты значительные усилия для продвижения разных подходов к диалогу и коммуникации, так же как и проекты кооперации граждан страны (включая местные меньшинства) и мигрантов (разного происхождения), в частности путем развития «смешанных» жилых зон. Межкультурное образование стало важной областью. Его шансы на успех напрямую зависят от желания и деятельности тех, чья ответственность — в том, чтобы давать возможность и поощрять людей к мирному сосуществованию и обеспечению адекватными социально-экономическими и политическими условиями для использования этих шансов.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо большое. Профессор Миттер, Вы действительно подняли очень интересную и важную проблему.

Слово предоставляется Андрею Евгеньевичу Петрову — ученому секретарю Отделения историко-филологических наук Российской Академии наук, кандидату исторических наук.

А. Е. ПЕТРОВ

— Позволю себе кратко прокомментировать некоторые мысли и идеи, которые здесь уже звучали. Собственно, главное мое беспокойство состоит в том, что мы в последнее время все чаще становимся свидетелями того, как гуманитарные, культурологические и исторические вопросы и проблемы становятся причиной серьезнейших напряжений, конфликтов и даже жертв. Мы все помним относительно недавно возникший конфликт, связанный с карикатурами, направленными против пророка Мухаммеда, мы только что были свидетелями эпизода, связанного с переносом памятника советским солдатам, который произошел в Эстонии. Вот сейчас в Иране, который мыслит себя наследником, преемником персидской империи, проявилась очень негативная реакция на новый голливудский фильм «300 спартанцев», в котором персы представлены убогими, жадными, страшными. Очень часто эти «мини-столкновения цивилизаций», я беру это выражение в кавычки, имеют в точке своего импульса

миф. Я в этом смысле поддерживаю слова профессора Тлили, которые он сказал, комментируя некоторые свои дискуссии с Хаттингтоном, — о том, что очень часто авторы больших культурологических обобщений не знают конкретных исторических реалий. Это действительно в какой-то момент становится серьезной проблемой.

Вот, например, в России, в Царском Селе есть церковь, на церкви крест, под перекрестием полумесяц. Экскурсоводам сотни раз приходится отвечать на вопрос экскурсантов о том, что означает этот полумесяц под крестом. Как правило, подразумевается, что это символ победы православия над мусульманством. Какой победы? А была ли война? Был ли крестовый поход вообще?

На самом деле российская история показывает, что, во-первых, символика эта другая: она восходит абсолютно к иной катакомбной раннехристианской культуре, в которой изображение якоря, корабля было символом спасения, — отсюда это полукружие под перекрестием. Во-вторых, если мы обратимся к реалиям ранней российской истории, то возникнут большие сомнения в тезисе о победе над мусульманством. Да, столкновения между мусульманскими государствами (Ордой, Волжской Булгарией) и русскими княжествами имели место, но по тем источникам, которыми мы располагаем, русские князья, если уж и ходили в поход против мусульман, то шли просто против неких «неверных», они не шли конкретно против поклонников Магомеда. Очень хороший пример есть в таком замечательном памятнике, как «Сказание о Мамаевом побоище». Там описывается Куликовская битва, знаковое событие для нашей истории, бегство Мамаю после поражения, — и автор, средневековый русский книжник, примерно в XVI веке пишет: «И призывает боги своя», и перечисляет этих богов: Хорс — это вообще языческий славянский бог, Раклий — в котором идентифицируется греческий, эллинский Геракл, а также Магомет и Салават. В действительности в исламе благодарственные молитвы называются «салаватами»...

Были очень тяжелые периоды во взаимоотношениях православного государства, уже единого русского, ставшего на путь имперского развития, с государствами, исповедующими иные религии. Это XVI век и, конечно, XIX век, Кавказская война. Но и в данном случае религиозные лозунги, скорее, были использованы всего лишь как инструмент. Очень хорошо это показывает, кстати, пример Кавказской войны, когда изменения в быту, настроении, в сознании горцев приве-

ли к появлению юридикализма. Все это возникло уже после определенных действий, когда кавказские территории постепенно стали попадать под влияние российской империи.

У нас очень часто мелькают материалы в газетах, журналах о том, какие смешные исторические ошибки содержат учебники истории стран СНГ, Балтии, других сопредельных государств. Мы все это высмеиваем: эстонцы захватили Константинополь вместо князя Олега, пока князь Олег со своей дружиной спал, и т. д. Это все у нас любят очень обсуждать и говорить: вот посмотрите, как они преподносят нашу общую историю! Что там говорить — конечно, у нас была общая история. Меня не очень волнуют сами ошибки, это скорее проблема тех народов и стран, в которых подобная идеология возникает и данные ошибки культивируются.

Россия уже прошла через те грандиозные социальные и ментальные последствия, которые происходят, когда новое поколение узнает реальность, правду. Это же просветление будет и на Украине, когда, наконец, осознают, что голод начала 1930-х годов не являлся целенаправленным геноцидом украинского народа, что в Казахстане и Поволжье умирали точно так же представители всех народов. В основном, конечно, в сельской местности. В городах умирали меньше.

Очень показателен пример Турции. У России наладились отношения с Турцией, и Турция декларативно принимает решение вычеркнуть из учебников истории все упоминания, связанные с русско-турецкими войнами. Правильно это или нет? Огромный временной период, начиная с XVII века, шло взаимодействие цивилизаций вооруженным путем, и в XVIII веке острые моменты возникли. Что будет потом, когда вырастет новое поколение? И оно откуда-то, например из работ германских ученых, поскольку много турок живет в Германии и вообще в Европе, узнает о том, что были русско-турецкие войны, что там было много несправедливостей, как и во всех войнах с обеих сторон? Нужно ли делать такие вещи?

В связи со всем сказанным хотелось бы отметить то, что сказал Сайед Зафар Махмуд: набор моральных ценностей — это хорошо, это важно, это нужно. Но нужно еще кое-что, кроме этих моральных ценностей, обязательных для всех или желательных для всех: нужна целенаправленная политика и государственная корректность. И дело не только в учебниках. Мы должны, прежде чем искать соринку в чужом глазу, посмотреть в свой глаз, и там мы найдем весомое полено.

Пример — последние недоразумения с нашими российскими праздниками. Идет полное смешение в головах. Ввели новый праздник, 4 ноября, и люди на вопрос об этой дате отвечают: «Минин и Пожарский разбили татар на Куликовом поле». Да, не все, не большинство, но, как показывают опросы — 11 %, это немало. А все потому, что у нас прошел юбилей Куликовской битвы, 625 лет, и вот как раз ввели этот праздник. Юбилей городов, регионов — я понимаю, как это важно для нашей страны...

Я всем сердцем люблю Казань, прекрасный город, но как историк я не могу согласиться с датировкой тысячелетия со дня основания Казани. Через год или через два Уфа обратится в соответствующие инстанции с просьбой отпраздновать, допустим, 1200-летие, на тех же примерно основаниях. Ясно, что это нацеленность на юбилейное финансирование, особое распределение ресурсов. Но правильно ли мы поступаем? Здесь нужна корректность.

В этой связи я отмечаю, что у нас в стране, к сожалению, нет стратегической политики; есть практика, практика сиюминутная и связанная с какими-то конкретными политическими решениями, а нужна именно долгосрочная политика. Не надо забывать одно достаточно интересное китайское изречение о том, что самые массовые движения истории зарождаются в отдельно взятых головах. Далеко не всегда эти головы бывают «холодными». Мы должны не провоцировать резкий переворот в головах, а добиваться постепенного изменения к лучшему.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо, Андрей Евгеньевич. Я представляю слово Генри Марковичу Резнику.

Г. М. РЕЗНИК

— Глобализация значительно повышает ответственность национальных политических и религиозных элит. Выступавший передо мной коллега произнес ключевое слово для оценки обсуждаемой проблемы — «использование». Никакие карикатуры не оскорбляли пророка Мухаммеда и не порочили ислам. Изначально выдвигалось предложение не о сносе памятника советским воинам в Эстонии, а о его цивилизованном переносе. Все эти и другие события, которые здесь назывались, просто разыграны как карты в политической и конфессиональной конфронтации. Кто, скажите, в этих бесновавшихся перед посольствами западных стран толпах знал о

том, что в мелкой датской газете опубликованы рисунки в стиле Жана Эффеля или Херлуфа Бидструпа. Политики вбросили, извратили суть и раздули.

Мораль и религия не могут обеспечить безопасности и толерантности ни в международных отношениях, ни в отношениях между людьми. Надежда в современном мире только на право.

Никакого компромисса у права с культурой и религией, как говорит Александр Сергеевич Запесоцкий, быть не может, потому что такие компромиссы размывают правовые каноны. Право само — продукт культуры общества на разных этапах его существования. В правовых нормах закрепляются господствующие в обществе представления о должном, полезном, целесообразном. Но ценность права в его формальной определенности, хотя ряду правовых норм свойственна оценочность, учитывающая сложность регулируемых ими отношений. Она позволяет гибко их применять, расширяя свободу судебного усмотрения. Базовый принцип права — равенство всех перед законом и судом. Никто не может быть в юридическом измерении «равнее» других в зависимости от своих моральных качеств, глубины веры либо неверия. Есть нравственные императивы, есть религиозные каноны, есть правовые принципы. Нельзя смешивать их, тем более подменять одни другими.

Коснусь проблемы, поднятой академиком Ягодиным. Да, нынешние демографические тенденции несут угрозу выживанию человечества — население планеты продолжает стремительно расти, а ресурсы матушки Земли ограничены. Заглядывать в далекое будущее — дело рискованное. Отмечу лишь такое реальное противоречие наших дней: при общей задаче сокращения населения земного шара в некоторых странах и, пожалуй, острее всего в России, напротив, стоит противоположная задача — его увеличение. За счет чего? Повышения рождаемости? Крайне сомнительно. Урбанизация слишком надежный контрацептив, чтобы прорвать его материальным стимулированием молодых семей. Если кто и откликнется, то те, кому рожать как раз не стоит. Замедлить убыль населения России реально уменьшением смертности, а обеспечить рост — иммиграцией. Россия должна стать такой же привлекательной для жителей бывших советских республик страной, как США для обитателей многих стран мира. В противном случае Россия будет продолжать «безлюдеть». Привожу это как пример необходимости опираться на дан-

ные науки — есть объективные процессы, отменить которые нельзя.

У процесса глобализации свои издержки. И хотим мы того или нет, с глобализацией будет связано исчезновение определенных этносов, потому что отмирать будут языки, на которых они говорят. Неизбежным следствием глобализации станет повышение уровня преступности, изменение ее структуры, потому что будет падать социальный контроль. Попытки вернуться к религиозным основам управления миром абсолютно утопичны, потому что человечество вступило в совершенно иной этап своего развития. Нужно совершенствовать демократию, повышать ответственность государственной власти, ставить ее под контроль гражданского общества. За многими конфликтами стоят интересы правящей политической и церковной бюрократии, стремящейся сохранить свое господство. Открытость власти, разделение властей, независимые СМИ, господство права — иных гарантий обеспечения правопорядка и справедливости в современном постиндустриальном обществе нет.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо за острое полемическое выступление. Я предоставляю слово профессору Наумкину Виталию Вячеславовичу.

В. В. НАУМКИН

— Постараюсь перекинуть мостик к последним двум выступлениям: г-на А. Е. Петрова и г-на Г. М. Резника. Действительно, мы говорим о том, что есть конфликты и есть реальные проблемы, и, безусловно, есть манипуляции, есть манипуляции религией, и есть манипуляции этничностью, и среди манипуляций этничностью есть такое очень, на мой взгляд, вредное явление, как биологизация этничности. Во многих сегодняшних работах наших политологов, этнологов и тех, кто пытается завладеть умами людей, есть очень вредное рассуждение о том, что существует некий генетический код, цивилизационный код у народов, что люди рождаются с определенными кодами, что некая этническая группа может быть больше предрасположена, скажем, к преступности, чем другая.

Нужно сделать все, чтобы такие представления сегодня не отравляли жизни, не позволяли манипулировать этнической идентичностью и стремлением групп отстаивать свою этническую, религиозную и иную иден-

тичность, для того чтобы противопоставлять себя другим группам.

Теперь по проблеме той конфликтности, о которой говорилось. Не нужно забывать, что очень многие явления, о которых здесь говорили, мифологизированы; есть такое понятие у конфликтологов — комплекс «миф-символ». То есть отдельные события мифологизируются, изменяются, превращаются в мифы и легенды, даже если есть историческая основа. Есть события, которые становятся символами. Вот типичный пример символа — армянский геноцид. Не важно, был он или нет (я считаю, что он был). Но дело не в этом, а в том, что это событие становится символом, который начинает определять международные отношения, начинает определять, быть Турции или не быть, скажем, в европейском сообществе. Вот этот комплекс «миф-символ» все больше и больше начинает играть роль на поле конфликтности. И от этого нельзя уходить.

Это имеет прямое отношение и к России. Мы ставим задачу консолидации российского народа, консолидации нации, в этом направлении прилагаются огромные усилия. Уже затрагивался вопрос о взаимоотношениях, скажем, между русскими и татарами, здесь далеко не все благополучно. Если мы посмотрим на наши собственные учебники и на учебники, написанные некоторыми татарскими авторами, мы увидим такие противоречия, которые могут сами по себе порождать конфликтность. Я думаю, что роль сообщества, которое организует подобные конференции, состоит именно в том, чтобы находить объективные решения, как это было после Второй мировой войны, когда одним из главных прорывов в создании единой Европы было создание единого взгляда на историю между Францией и Германией. Нам нужно делать то же самое.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо, Виталий Вячеславович, очень ценное выступление. Несколько слов хотел сказать Вячеслав Семенович Степин. Пожалуйста.

В. С. СТЕПИН

— Я бы не согласился с мыслью, высказанной уважаемым г-ном Г. М. Резником о том, что население Земли должно сокращаться, ресурсов на всех не хватит и что в процессе глобализации какие-то этносы должны вымирать, что если в России уменьшается население, так это вроде бы и хорошо, и нечего тут заботиться о росте населения, пусть этот этнос вымирает. Такая логика. Я не знаю, хо-

тел ли так сказать г-н Г. М. Резник, но так у него получилось. С этим я согласиться не могу, потому что с глобализацией связаны более сложные процессы. Во-первых, сейчас мы говорим о том, что нужно строить отношения, делая акцент на общечеловеческих ценностях. Тогда глобализация будет связана не с конфликтами, а с толерантным поведением.

Да, действительно, общечеловеческие ценности можно найти в любых типах культур, но все дело в том, что эти ценности никогда в чистом виде не программировали людей. Они создают предельно общие программы человеческой жизнедеятельности, это как бы запреты «не убий, не укради» — это идеалы, которые обязательно обрамляются конкретными нормативами, конкретными обычаями, привычками, образцами поведения. Они сплавлены, и это все составляет массив той культуры, которая называется национальной исторической особенностью.

Надо понимать, что в современной западной культуре эти ценности во многом неотделимы сейчас от идеалов потребительского общества. И предложить сейчас всем людям жить согласно данным идеалам, по этим нормам невозможно хотя бы потому, что не хватит ресурсов, чтобы распространить на все население земного шара уровень жизни потребительского общества в тех образцах, которые даны в Америке и в развитых странах Западной Европы. Америка потребляет примерно 42–44 % мировой энергии по разным расчетам, дает 2/3 грязных отходов производства, причем эти отходы — не в самой Америке, а в тех странах, куда вынесено производство. Это страны третьего мира, где дешевая рабочая сила, именно туда идут компании.

Если перевести все население Земли на этот уровень энергетического потребления, то все ресурсы, которые известны, которые можно было бы задействовать, будут исчерпаны за пятнадцать лет. Конечно, технический прогресс может открыть какие-то принципиально новые энергетические ресурсы, но пока я могу с уверенностью сказать, поскольку я знаю этот процесс, что уповать, например, в настоящее время на термоядерный синтез при низких температурах не представляется возможным. И вообще все эти новые идеи еще очень далеки от технологической реализации.

Возникает вопрос: можно ли на этих современных ценностях организовывать глобальный мир? Все столкновения цивилизаций — это столкновения как раз по поводу ценностей. Я разрабатывал следующую концепцию: есть несколько типов цивилизационного развития. Долгое время существовал

тип цивилизационного развития, который был связан с традиционалистскими культурами, затем рядом возник особый тип культуры. Я его называю техногенной цивилизацией, который связан с совершенно новыми ценностями, во многом альтернативными с новым пониманием человека, деятельности, природы, с новым пониманием личности, власти и силы. Сосуществование двух этих типов цивилизаций привело к тому, что возникли процессы модернизации. Вот эти прививки западных ценностей традиционалистской культуре и породили современные цивилизации Китая, Индии, Японии и России, где существует очень крупный пласт традиционалистских, но переработанных культур.

И вот сейчас возникает целый ряд проблем и нестыковок именно по этому вопросу: некоторые цивилизации, которые мы все это время наблюдаем, которые содержат пласт традиционалистских культур, по-новому, иначе воспринимают либеральные ценности, например, права человека. В традиционалистских культурах быть личностью — это значит быть частью клана, касты, сословия. Там на первом месте всегда эта общность, а личность раскрывается только через эту общность. В западных культурных традициях быть личностью значит быть суверенной, автономной личностью, которая сама выбирает себе социальные связи, сама себе выбирает коллективы, в которых она идентифицируется, и в этом смысле развивается. В таком случае права человека в западной культурной традиции — главное, а в традиционалистских культурах — главное, скорее, права народа, права кооперации, права некоего коллектива.

Возникает вопрос: как быть? Достаточно ли ограничить права человека только этой трактовкой, которая существует на Западе и записана в различных великих декларациях, или же надо думать о том, чтобы эти два вектора — права личности и права коллектива, коллективные права народа и права личности — как-то соединились? Я думаю, что процесс пойдет по объединительному пути.

То есть вопрос о ценностях — это очень сложный вопрос, и вопрос о взаимодействии ценностей состоит не в том, что есть незыблемые ценности западной культуры, которые должны привиться, и все должны жить по ним, а в том, что и те и другие ценности должны претерпевать изменения.

И последняя мысль. Нельзя забывать, что современные экологические и антропологические кризисы связаны с вмешательством в человеческую телесность, с открывающимися возможностями манипуляции наслед-

ственными кодами; все эти кризисы порождены ценностями западной цивилизации, техногенной цивилизации.

И они должны и будут в ближайшие годы меняться. Возникнут идеи, направления, течения, которые будут ориентированы на изменения этих ценностей. И великие философы Запада говорят об этом: Юрген Хабермас с его идеей нового модерна, Ульрих Бек, очень известный западный философ, который пишет о том же. И я полагаю, что изменение ценностей, которое может произойти, и будет спасением для человечества. Это будет вхождение в какой-то новый цикл развития, не традиционалистский, не техногенный. Должно возникнуть нечто третье. Иначе произойдут такие кризисы, которые будут все время обостряться, и человечество пройдет через очень большую полосу катастроф. Поэтому я скептически отношусь к идее, что в плане ценностей все уже готово, и их только надо принять, не надо ничего трогать, а надо просто их внедрить в восточные культуры, и тогда все будет хорошо.

Наверное, все-таки вопросов остается больше, чем ответов, и даже в этой очень уважаемой, именитой аудитории мы не найдем решений абсолютно всех проблем. Тем не менее я думаю, что наша работа была весьма плодотворна, и это в значительной степени благодаря усилиям членов Оргкомитета по проведению настоящих Чтений. Еще раз хочу выразить им признательность.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо большое, Вячеслав Семенович. Я хочу поблагодарить академика Степина за очень интересное высказывание. Наверное, все-таки вопросов остается больше, чем ответов, и даже в этой очень уважаемой, хорошей, именитой аудитории мы не найдем решений абсолютно всех проблем. Тем не менее я думаю, что наша работа была весьма плодотворна, и это в значительной степени благодаря усилиям членов Оргкомитета по проведению настоящих Чтений. Еще раз хочу выразить им признательность.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Уважаемые коллеги, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что есть некоторые основополагающие принципы, о которых ученые-гуманитарии, наверное, не будут спорить. Например, о том, что все религии — это большая нравственная и культурная ценность человечества. Конечно, каждый интеллигентный человек, не только ученый-гуманитарий, дол-

жен возражать против любых попыток унижить какую-либо религию, оскорбить верующих. Мне кажется, это очевидно. И то, что каждая культура имеет ценность, и даже культура малого народа имеет ценность ничуть не меньшую, чем культура огромной нации, тоже не вызывает сомнений. Думаю, что это те вещи, которые мы все одинаково понимаем.

Мы раздадим всем присутствующим «Декларацию прав культуры», которую разработали под руководством академика Лихачева. Она опубликована на русском языке, но я очень надеюсь, что вы будете содействовать ее переводу на различные национальные языки. Этот документ, по нашему мнению, должен в мировом сообществе встать на один уровень с «Декларацией прав человека». Правда, культура не является субъектом права, она не может прийти в суд и подать иск. Иски в защиту культуры должны подавать люди. Но мне кажется, что очень важна сама идея «Декларации прав культуры».

Это по-настоящему петербургская Декларация, где мы предлагаем утвердить основополагающие мировые принципы, на которых будет базироваться общий всемирный подход к культуре. Думаю, что со временем этот документ будет принят ЮНЕСКО, хотя здесь все же потребуются компромисс между классической юриспруденцией и интересами культуры. Мне кажется, что идеи, которые заложены в Декларации, сами по себе очень важны.

Позволю себе остановиться еще на двух очень крупных проблемах, которые существуют сегодня. Одна из них — кризис лидерства в мировом сообществе. Мне, как и многим здесь присутствующим, думается, что не может существовать однополярный мир, в котором одна страна, одна религия, одна культура будут доминировать. Это невозможно. И мне кажется очень опасной предпринимаемая сейчас в мире отдельными силами попытка второго «крестового похода».

Некоторые из присутствующих, например г-н Резник, который, как мне представляется, является носителем классических либеральных христианских ценностей, возможно, в следующем со мной не согласятся. Но, на мой взгляд, в России сегодня набирает тенденцию общественное мнение, обусловленное крайней разочарованностью в современных ценностях Запада. За последние пятнадцать лет мы провели огромные реформы, в начале которых стояла исключительная привлекательность ценностей Запада, прежде всего Соединенных Штатов и Западной Европы. Однако сегодня у значительного количества

российских интеллектуалов созрела мысль, что мы явились жертвой циничного обмана. Мы поверили, будто Запад придерживается всех провозглашаемых им ценностей, а на самом деле он одержим жадностью, жаждой денег, мирового господства, подавления других культур.

Россия это испытала на своем собственном опыте и видит на примере других стран, таких как Югославия. Запад попрал международное право, которое мы считаем важным достижением цивилизации. Поэтому сейчас многие в России смотрят на Китай и знают, что там говорят: «Посмотрите, какие огромные ошибки сделала Россия, которую обманул Запад, и мы ни в коем случае не должны повторить их». Это горький урок для нас.

Выступление нашего гостя из Китая было посвящено тому, что ни одна страна и ни одна культура не должны испытывать желания сделать резкие, поспешные, необдуманные движения на пути своего развития. Я с ним согласен.

Мы считаем, что Россия не менее европейская страна, чем Франция или Германия, например. Но вряд ли мы сегодня сможем считать Западную Европу или Соединенные Штаты моральным лидером в этом мире — лидером, который имеет право объяснять всем остальным странам и культурам, как им жить. Поэтому сегодня очень серьезный вопрос — это выработка единых подходов, общих взглядов и, пожалуй, не лидерства отдельных культур, а лидерства тех идей, к которым могут присоединиться все культуры.

В связи с этим встает вопрос, как нам жить в мире, где существуют многие культуры, и как человечество будет жить в мультикультурном мире, потому что уже ясно, что каждому человеку придется жить в будущем в мире многих культур. Конечно, всегда будет опасность для небольших культур, озабоченных тем, что их подавят более крупные, представляющие огромные этносы и имеющие очень большую историю. Эти опасения понятны.

Мне кажется, что мы должны относиться к концепции Хаттингтона как к одной из многих возможных, которая содержит лишь одну версию развития событий. В этом смысле я сравнил бы ее с концепцией Карла Маркса, который утверждал, что в дальнейшем на мировой арене будет доминировать борьба классов. Но время показало, что из этого вышло. Поэтому когда Хаттингтон говорит, что в дальнейшем будет происходить борьба этносов, мы можем его внимательно слушать, но при этом не забывать, что все может быть совсем по-другому. Мы должны видеть плюсы

в таких прогнозах, они дают нам возможность учесть некие вероятные сценарии развития событий. Так же как, допустим, страны Запада, увидев, что произошло в России, то есть революцию, торжество идей Карла Маркса, учли этот опыт и поняли, что они должны сделать, чтобы классовая борьба не стала доминировать. Но в то же время идеи Карла Маркса победили и утвердились не только в России, но и в целом ряде стран... Это тоже опыт. Поэтому, заглядывая вперед, в то интеллектуальное пространство, которое должно возникнуть в будущем, мы должны учитывать все уроки истории.

Уважаемые коллеги, мне хотелось бы обратить особое внимание на чрезвычайно острую и трудную проблему нашего времени — ситуации некоего «опрокидывания» культурной системы страны, когда небольшой этнос со своей культурой за несколько десятилетий догоняет по численности основную нацию, проживающую на данной территории, и начинает добиваться для своей культуры равных с доминирующей прав. Мировые цивилизации уже сталкивались с этим в ходе различных войн, конфликтов, захватов территорий, но никогда раньше этого не происходило в результате мирного развития культуры. Сегодня же мы видим, что существует целый ряд районов мира, где очень быстро развиваются в численном отношении сегменты населения, которые несут с собой другую культуру, иной ментальный склад, бросают вызов доминирующим культурам.

Каждая доминирующая нация готова быть очень благожелательной к другой культуре, пока последняя не собирается стать доминирующей. Например, во Франции мы сегодня видим, какие результаты вызвало неосторожное высказывание г-на Саркози в адрес Турции, и мы понимаем, почему это происходит. Вырастает огромная по численности инокультурная община, которая не готова принимать в качестве главной культуру этой страны. Франция уже сегодня видит, что вполне возможна ситуация, когда многочисленные представители другой культуры ска-

жут: мы хотим здесь быть главными, наша культура должна господствовать. И тогда в результате демократических процедур они могут получить такую возможность. Здесь возникает новый тип борьбы культур, чрезвычайно острый культурный конфликт.

То же происходит сейчас в странах Балтии, где более 30 % русского населения. Представители доминирующей культуры опасаются их влияния, поэтому применяют далеко не демократические методы в борьбе с ними.

Давайте посмотрим, как сегодня живут конкретные люди в разных культурах, насколько возможно подобное сочетание. Например, в странах Балтии, где свыше 30 % русскоязычного населения, государству принимает решение, что русскому языку там не должно быть места... Или на Украине — в стране, где половина населения является русскоязычной и испытывает на себе сильное давление властей.

К сожалению, сегодня у человечества нет практических механизмов решения данных проблем и не вполне ясны даже направления их поиска. Легко сказать: мы хотели бы, чтобы все культуры имели одинаковое право. Но обеспечить такое равенство очень трудно. Нас ждут серьезные, огромные проблемы на этом пути.

В какой-то момент у каждого из нас просыпаются биологические инстинкты, которые говорят, что чужой язык, чужая культура должны быть подавлены, даже уничтожены, что родная культура должна быть главной. И это, на мой взгляд, становится не менее острой проблемой, чем конфликт финансовых интересов. Не деньги на самом деле правят миром. Думаю, нам предстоит еще не один раз убедиться в том, что правит миром культура. Но это несет в себе и очень серьезные опасности, если мы не выработаем правильные механизмы диалога культур.

В заключение позвольте поблагодарить вас за плодотворную работу на VII Международных Лихачевских научных чтениях и пожелать каждому из присутствующих новых успехов.